

ОБ ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОЙ МЕЖЛИТЕРАТУРНОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ОБЩНОСТЕЙ

На первых чтениях, посвященных талантливому литературоведу, члену-корреспонденту РАН Г. И. Ломидзе и проходивших в ноябре 2005 года. В Институте мировой литературы им. А. М. Горького РАН, были изложены значительно отличающиеся друг от друга мнения по поводу градаций межлитературных общностей. Ряд докладов был посвящен проблемам истории литератур отдельных регионов, что вызвало неоднозначную реакцию аудитории. В частности, большая часть литературоведов высказалась против идеи регионализации русской литературы, которая прозвучала в докладе Е. К. Созиной. Действительно, любая межлитературная общность (МЛО), в том числе и Волго-Уральская, ориентировалась не на краеведческие работы и творчество русских писателей второго и третьего рядов, а прежде всего на классику — А. Пушкина, М. Лермонтова, Л. Толстого и др. Поэтому продуктивность и целесообразность рассмотрения национальных литератур в одном ряду с русской провинциальной литературой вызывает некоторое сомнение. Для нас остается сомнительным и перечень национальных литератур, составляющих вместе с русской литературой Урала одну МЛО. Формирование любой литературной общности как составной части культуры своими корнями уходит вглубь истории народов; она, хотя и является новым образованием, но веками вызревает в недрах межкультурной общности региона. Волго-Уральскую межкультурную общность (ВУМКО) не менее пяти-шести веков гармонично составляют четыре финно-угорских и три тюркских народа, культуры которых тесно переплетены, и их невозможно (нельзя) изучать изолированно.

Критикуя план-проспект «Истории литературы Урала» [1] в некоторых частных вопросах, о чем только что было изложено, мы полностью поддерживаем саму идею создания региональной межлитературной общности, но в рамках исторически сложившейся целостности.

На упомянутых чтениях, особенно в среде критиков доклада Е. К. Созиной, доминировало «антирегиональное» настроение. Ученые, специализирующиеся по литературам народов бывших союзных республик и для которых привычным является изучение национального в контексте общесоюзного, явно или не явно отрицали среднее звено этой цепи, т. е. межлитературные общности отдельных регионов. Подобный взгляд на литературы народов бывшего СССР соответствовал государственному статусу (республики союзного и автономного уровней) титульных народов. В период интенсивного «сближения наций» и сложения особого народа — «советского» — официально всячески поддерживались идеи выявления национально-общесоветских (русских) литературных связей. Резкий крен в сторону инновационных вопросов заслонил другую немаловажную проблему — изучения традиционного слоя культуры, в том числе и литературы. В результате всего этого региональный контекст, как один из важнейших подходов к изучению национальной литературы, перестал считаться методологической необходимостью для литературоведа того или иного народа.

В данной работе мы исходили из того, что объем понятия «региональная межкультурная общность» полностью перекрывает значение традиционного термина «историко-культурная область», т. е. территориальная общность внебиологически и исторически выработанного способа деятельности людей, благодаря которому их активность соответствующим образом регулируется, физически обеспечивается и воспроизводится [2]. Последний термин тесно соприкасается с такими понятиями, как «историко-культурный тип», «тип цивилизаций».

Национальная культура должна иметь как минимум две группы признаков:

- 1) характерные для других культур, входящих в межкультурную общность (МКО),
- 2) характерные лишь для одной локальной культуры.

Общее и особенное (специфическое) в локальных культурах наблюдаются, как утверждают исследователи, в следующих их компонентах:

- 1) в традициях и обрядах,
- 2) в бытовой культуре,
- 3) в повседневном поведении,
- 4) в национальном мировидении,
- 5) в художественной культуре [3].

Таким образом, выявление общих признаков в вышеназванных компонентах культур народов Волго-Уральского региона должно способствовать определению типа культур ВУМКО.

Далее следует остановиться на природно-географических особенностях территории ВУМКО, которые, безусловно, являются объединяющим фактором региона. От других территорий России Среднее Поволжье и Нижнее Предкамье отличается тем, что в них таежная и лесостепная зоны находятся в непосредственной близости. Так, в низовьях Камы темнохвойные леса из ели и пихты, господствующие на правом берегу, мирно соседствуют с левобережными луговыми степями и остепненными суходольными лугами. Эти факты указывают на то, что два берега реки благоприятны как минимум для близкого соседства двух видов хозяйственной деятельности: охоты и рыболовства, с одной стороны, скотоводства и земледелия, с другой стороны.

К разным ландшафтно-географическим зонам относилась и территория Чувашского Поволжья: на левобережье Волги простиралась тайга, а на правом берегу росли теплолюбивые деревья (дуб и другие широколиственные деревья). Расстояние от тайги до лесостепной зоны здесь не доходило и до двухсот километров.

Геологической парой для Среднего Поволжья и Закамья были как Приуралье и Уральские горы, так и Верхнее Прикамье, верховья реки Вятки. Все реки этой территории, как и другие притоки Волги, наполнялись континентальными водами. В геопаре происходила сезонная миграция рыб и птиц, диких животных, циркуляция холодных и теплых потоков воздуха. Если в январе преобладали южные ветры, то в июле — северные. В период смены сезонов участились ветры восточного направления. Разница в температуре воздуха в летнее время происходила в меридиальном направлении, а в зимнее — в долготном.

Все вышеназванные растительно-климатические и другие не менее важные факторы способствовали выделению Поволжья как особой зоны контактов Севера и Юга, Запада и Востока. Оно было периферией всех четырех сторон света, связывая их прежде всего водными путями Евразии.

Открытие этого уникального значения Поволжья состоялось, как нам кажется, в VIII в., когда хазары догадались построить на Нижней Волге город Итиль. Следует считать, что именно с этого времени основная часть современной территории ВУМКО стала подлинной территорией Хазарского каганата. Признаки «обширной историко-этнографической области», объединяющей Поволжье, Приуралье и Северный Кавказ, как считают башкирские этнологи Т. М. Гарипов и Р. Г. Кузеев, формировались еще в первой половине I тыс. н. э. [4, 110]. По Л. Н. Гумилеву, в конце I тыс. н. э. на этой территории сложился «западноевразийский суперэтнос» [5, 38]. Центром данной западноевразийской МКО, куда входила и ВУМО, во все времена были степные и лесостепные зоны Восточной Европы.

Далее следует выяснить вопрос о времени сложения ВУМО в системе Западно-европейской МКО (ЗЕМКО).

Спасаясь от арабов, представители степного, а частично и лесостепного вариантов салтовомаяцкой культуры расселялись в более северных районах Евразии (в бассейне реки Дон и, очевидно, в Волго-Камском междуречье). Именно этими событиями можно объяснить возникновение Саркела в 833 году н. э. К середине VIII в. г. Болгар стал выполнять посредническую роль в международной торговле (именно в этот период широко стали распространяться восточные дирхемы в Волго-Окском междуречье). К этому времени волжские болгары стали серьезными конкурентами хазар в посреднической роли международной торговли. Таким образом, начиная с IX века, в западноевропейском регионе стало выделяться Волго-Камское междуречье, т. е. основная территория волжских болгар. В этот период на всей территории ЗЕМО стали активизироваться этногенетические процессы, в результате чего образовались новые государства (Киевская Русь, Волжская Болгария и т. д.) и этносы (древние русы, сербы и хорваты, болгары дунайские и волжские).

Политическая ситуация X в. привела к распаду Хазарского каганата и появлению на его бывшей территории нескольких малых суперэтносов, в том числе и волжскоболгарского. Это новое государство возникло на уникальной территории, которую условно можно назвать «центром геопары» (ее некоторые особенности мы уже отметили). Главной отличительной чертой территории данного государства было то, что близость тайги с лесостепью благоприятствовали параллельному развитию как охоты и рыболовства, так и скотоводства и земледелия. Болгаро-аланские племена, появившиеся на новой территории из лесостепных и степных зон, привнесли в Волго-Камье более высокую культуру обработки земли и навыков скотоводства. Среди волжско-фин-

ских и пермских племен широкое распространение имели, следует полагать, занятия охотой, пчеловодством и рыболовством.

Итак, началом сложения ВУМКО следует считать середину IX в., когда в лесостепных районах Предкамья обосновались представители салтово-маяцкой культуры, когда они стали конкурировать с хазарами в области международной торговли в Евразии.

Далее следует уточнить компонентный состав племен Волжской Болгарии, что возможно путем палеоантропологических наблюдений. В результате скрупулезных исследований палеоантрополог С. Г. Ефимова выявила три основные территории, откуда продвигались на Волгу разноязычные племена: территория Верхнего и Среднего Прикамья, степная зона Европейской части и Зауралья и Северный Кавказ [6, 67]. Из аллохтонных (пришлых) групп особо следует выделить больше-тарханский антропологический тип, который, по наблюдению С. Г. Ефимовой, очень близок к серии саргатской культуры и указывает на территорию формирования этой группы ранних болгар — лесостепная зона Западной Сибири. Антрополог М. С. Акимова считала, что население больше-тарханского могильника следует связать с территорией Зауралья и Западного Казахстана.

Болгарские могильники из г. Биляр указывают на их антропологические связи со степным населением сарматского времени. Следует считать доказанным, что сарматский компонент несомненно присутствовал в составе ранних болгар. Степные алано-болгарские племена господствовали в обеих столицах Волжской Болгарии — в Болгаре и Биляре.

Второй аллохтонной группой в составе волжских болгар являлись угро-мадьярские племена, продвинувшиеся в раннее средневековье с Верхнего и Среднего Прикамья на Волгу. Кушнаренковцы были близки к ранним болгарам по ряду признаков: они являлись скотоводами, имели одинаковый тип общественно-социальной и хозяйственной деятельности.

Третья аллохтонная группа — это серия, близкая к верхне-салтовскому и северокавказскому средневековому населению, которое главным образом встречается в г. Болгаре. Археологически их связывают с аланами.

В г. Биляре выявлен значительный автохтонный компонент: долихо-мезокранный, узко- и низколиций с ослабленным выступлением носа и сильно профилированным в горизонтальной плоскости лицом. Такой тип доминирует главным образом в женских сериях черепов. Это говорит о том, что метисация происходила путем смешанных браков аллохтонных мужчин с автохтонными женщинами.

Значительная часть населения, оставившего могильник на Бабьем бугре (г. Болгар) была местного происхождения — мезо-брахикранный, с небольшими размерами лица, ослаблением горизонтальной профилировки и угла выступления носа.

К материалам из «Братской могилы» на Бабьем бугре и к группе черепов «местного типа», как утверждает С. Г. Ефимова, наиболее близки серии черепов вятичей и костромских кривичей [6, 67]. Есть серьезные основания говорить о включении в этногенез болгар позднегородецких племен, на что указывал еще А. П. Смирнов, опираясь на археологические материалы.

Итак, палеоантропологический материал подтверждает тот тезис, согласно которому волжские болгары как этнос сложились на основе нескольких аллохтонных и автохтонных компонентов.

Все эти положения изложены нами с одной целью — указать на примерное время возникновения болгаро-чувашско-волжско-финских и пермских параллелей. Они образовались не в результате «смешения болгар с местными финно-угорскими племенами», как утверждают некоторые современные исследователи, а в процессе формирования двухкомпонентной болгарской народности. Этот процесс начался в середине IX в. и продолжался, очевидно, до XIV–XV вв.

Начиная с IX в. н. э. в ВУМКО происходит процесс взаимопроникновения лесных (местных финно-угорских) и лесостепных и степных (пришлых алано-болгарских) культур. Он хорошо запечатлен в разных заимствованиях болгаро-чувашских слов в современных волжско-финской и пермской группах финно-угорских языков. Эти заимствования разделяются на тематические разряды: общественные отношения, религия и мифология, животноводство, земледелие, хозяйственные строения, средства труда, ткачество и т. д. В этот период в болгарский язык проникают от финно-угорязычных соседей слова, связанные с местным растительным и животным миром.

Интернационализация части культурных компонентов в ВУМКО проходила, если использовать термин этнологов-семиотиков, преодолением «этнографических лакун», т. е. непонятности, чуждости и неправильности культур соседних народов. Понимание чужой культуры в болгарском суперэтносе облегчалось тем, что в его культурах как аллохтонных, так и автохтонных племен

преобладали близкородственные традиции, восходящие к сармато-аланской культуре. В области художественной культуры это проявлялось прежде всего в развитии т. н. «скифского звериного стиля». Князь Трубецкой обнаружил ряд параллелей в культурах народов Поволжья, с одной стороны, и русских, с другой. К общим чертам он отнес психологический облик сравниваемых народов, строй языка, тип мелодии, метрические основы народного стиха и другие особенности стихотворной речи, дуализм, консерватизм в мышлении и т. д. [7]. Особое внимание следует обратить на общие черты в характере взаимоотношений людей между собой и с природой. Осмеливаемся сказать об особом исторически сложившемся у этносов ВУМКО нравственном императиве. Его истоки можно обнаружить в культе предков и святых, в почитании святилищ-киреметей, в особом почитании огня, в общих представлениях об окружающих людей духах, божествах и т. д.

Общие черты обнаруживаются и в устойчивых элементах культуры, а также в обычаях и образах. Современным исследователям необходимо вести поиски параллелей в области бытовой культуры, а также национального мировоззрения и художественной культуры. Многие из них несомненно относятся к дотатарскому периоду истории ВУМКО. Проблемы, которые мы попытались схематично очертить в данной работе, заслуживают серьезного к ним подхода и дальнейшего изучения. Диалог культур, на который мы сегодня обращаем пристальное внимание, происходил во все времена и эпохи. При этом следует учесть, что такой диалог имел дискретный характер, т. е. он претерпевал циклы притяжения и отталкивания культур. Механизм «притяжения» и «отталкивания» в ВУМКО функционировал и в форме переориентации, т. е. изменений культурно-идеологических ценностей. Так, если в IX–XIV вв. этносы ВУМКО входили в диалог с болгарским этносом, то с XV в. такой диалог стал возможным между казанско-татарским и другими народами Казанского ханства. В роли объединяющей силы в регионе казанско-татарская культура оставалась вплоть до второй половины XVIII в., которая в дальнейшем стала вытесняться русской.

Становление региона как МЛО завершилось в Новое время. В XIX в. здесь функционировали две субсистемы: татаро-башкирская (исламская) и тюркско-финно-угорская (православно-христианская). Тюркскую часть составляли чувашская письменная словесность и литература крещеных татар, а финно-угорскую — письменные культуры удмуртов, коми, мари и мордвы [8].

В завершение можно резюмировать следующее. Доказательство фактического функционирования ВУМКО позволяет утвердительно говорить и о реальности ее одной составляющей: межфольклорной и литературной общности Волго-Уральского региона. Нам, фольклористам и литературоведам, предстоит кропотливая работа по выявлению «этнопоэтических констант» (В. М. Гацак) этой общности.

-
1. История литературы Урала: план-проспект. — Екатеринбург, 2005.
 2. Маркарян Э. Соотношение формационных и локальных исторических типов культуры // Этнографические исследования развития культуры. — М., 1985. С. 7–30.
 3. Антипов Г., Донских О. и др. Текст как явление культуры. — Новосибирск, 1889.
 4. Гарипов Т., Кузеев Р. Волго-Уральский регион культурно-языкового взаимодействия уральских и алтайских этносов // Урало-алтаистика: Археология. Этнография. Язык. — Новосибирск, 1985.
 5. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. — М., 1992.
 6. Ефимова С. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. — М., 1991.
 7. Трубецкой Н. О туранском элементе в русской культуре // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 1990. — № 6.
 8. Родионов В. Особенности литературогенеза народов Урало-Поволжья // Ашмаринские чтения: Материалы межрегиональной научной конференции. — Чебоксары, 2005.